

СИРИН

Я БЫЛ ТАМ

Сирин Сирин Я был там

<https://litres.ru/74363573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда началось вооруженное сопротивление земли Дара утонули в крови, нация не покорившаяся новому порядку. Кто-то называл дарийцев повстанцами и террористами, нарушившими закон Долины, кто-то говорил, что они отстаивали свой выбор и свою идентичность. Но мало кто увидел, что именно дарийцы остались верны режиму и не стали подчиняться "борцам за свободу" — так они себя называли. Объявили земли Дара независимыми и стали строить свою государственность.

Я расскажу, как уничтожили Долину, те самые «борцы за свободу», ради всеобщего блага, только благами оказались война и кровь. Не верь словам, пока не увидишь, сомневайся и думай, что даже правда рисует разную действительность. Я видел войну, мои близкие видели войну, мои знакомы, коллеги, соседи и односельчане тоже видели войну и все мы ее видели по-разному. И все, что мы видели правда, только у всех она своя, с разным эмоциональным окрасом, с разным отношением к событиям и с разными последствиями в жизни каждого.

Сирин

Я был там

Глава 1

«На Западном фронте к юго – западу от гор Карата военная группировка Долины продвинулась на 12 км. и заняла поселок Новые Броды. Жители были эвакуированы, действия противника контролируются войсками КОНА».

Официальные новости Объединенных Республик (ОНОР)

РАМИР

Сырой воздух пробирался к легким, каждый вдох причинял боль, я сглотнул, но стало ещё больнее, болезнь пробирает все дальше. Под ногами таял снег, слякоть, перемешанная с грязью, хрустнула под ногами.

— Куда ты меня потащил, скоро начнет темнеть. Мне кажется, я слышал дрон...

— Расположение конфедератов уничтожено, ты же был там.

Горан шел за моей спиной, но я чувствовал его насмешливый взгляд, я тоже понимал скоро тут будут виверны и, если мы не уберемся, когда они прилетят, нам не жить. Но я не могу уйти, пока не найду их тела и не пойму, что все они мертвы или нет... На что я надеюсь? На то что никто не

выжил или все-таки, кто-то остался жив. Вы не знаете, как я вру сам себе, вру прямо сейчас, избегая называть вещи своими именами. Я хочу найти ее и увидеть мертва она или жива, и я еще не решил, чего бы мне хотелось больше. От одной мысли, о том, что я сам себе в этом признался бросило в жар. Стоило ли мне продолжать эти поиски?

— Горан слышишь? - звуки смешались друг с другом, чавкающая слякоть и грязь, морось, бьющая по листьям, свист ветра, который пробирает до мурашек и что-то неуловимое...

— Ничего нет, брось.

Я боролся с чувством безысходности своих поисков и мыслью, что вот-вот, осталось ещё чуть-чуть. Стоит заглянуть за насыпь и на этом закончить, пообещал я себе. Носок сапог уходил в мокрую и рыхлую землю все глубже, тут рыли окопы или траншеи, я заглянул в яму, она змеей шла вперед. Мой товарищ остался позади, отказавшись идти со мной дальше. Я прошел до конца, чуть ли не падая в низ. Никого...

Начало темнеть, уже стоит поторопиться, тревога росла в груди. Для чего я встретил ее вновь? И как мне теперь жить, с осознанием того, что я мог найти ее и дать ей выжить. О чем я? Возможно, она уже мертва, но я не знаю об этом и чувство противоречия не даст мне спокойно жить дальше.

Кашель начинал терзать горло.

— Горан! - я вышел к лесу и не нашел его. — Горан! - в горле запершило еще больше, и я не мог остановить кашель.

Пора уходить, мысль о том, что надо прийти поискать ночью уже посетила меня. Стоит ли? Эта мысль не даст мне покоя, лучше умру, чем думать об этом снова и снова.

— Что ты тут делаешь? - я нашел Горана уйдя в глубь леса, где деревья сгущались все ближе, он присел на корточки и со стороны казалось, что он роется в земле.

— Тут, кто-то есть. Вроде мертв. - он разгребал мокрую землю руками, часть тела была засыпана землей и будто ухидила в грунт.

Горан потянул за руку, это была женщина, погоны на форме говорили о том, что это офицер - старший лейтенант. Он приложил ухо к груди.

— Мне кажется она жива, - он поднял веки, глаза смотрели прямо.

Я помню, как все было, когда начался обстрел, конфедераты бежали в глубь леса, назад к своему лагерю, что и стало их ошибкой, ее тело мы нашли ближе к окраине, она бежала в сторону, а потом вперед.

Мы нашли ее, только ее, больше никого, остальные тела скорее всего лежат дальше в лесу.

— Ты, что не слышишь меня? Что с ней делать? Возьмём в плен, хотя стоит ли она того... - я стоял и не мог произнести не слова. Что теперь...?

Когда я искал ее, то не думал о том, что должно быть дальше. Помоги. Боже не оступиться и поступить правильно. Я перевел взгляд на Горана, мы были знакомы 2 года, он не был

другом, он тот, о ком говорят сослуживец, мы вместе выживаем, но порой такие люди становятся, чем-то большим чем друг, ведь от них зависит твоя жизнь.

На ней была рубашка с погонами цвета хаки, просто сорвать погоны не получится, такие рубашки гражданские не носят. Я наклонился и начал снимать с нее рубашку, под ней была белая майка, так уже лучше.

— Что ты делаешь? - усмехнулся Горан.

— Мы отнесем ее в лагерь и...

— А зачем ее раздевать?

— И мы скажешь, что нашли гражданского по дороге, когда ехали.

Горан начал мотать головой из стороны в сторону.

— Мы возьмём ее в плен, как военного и все. Зачем мне лгать, ты в своем уме?

— Помнишь дамбу у Стремительной? - Горан посмотрел на меня с испугом, я напомнил ему о неуплаченном долге. Он сразу понял, о чем речь, такое трудно забыть. Бои шли около взрывоопасного объекта, мы пытались оборонять его, но все случилось совсем иначе, наводчик реактивной установки, не справившись с управлением пустил пакет ракет прямо в объект, что привело к взрыву и массовому возгоранию. Это была масштабная техногенная катастрофа, о которой потом говорили: "Вооруженные силы КОНа, совершили теракт по важным объектам жизнедеятельности, что привело не только к сбою электроэнергии, но и к наводнению в

Низовье. Об этом знал, только я и еще один наш товарищ. Мы хранили молчание, было жаль его, он не хотел этого, в наших рядах очень много не опытных бойцов, которые не могут справиться даже с ручным оружием, опытных военно-служащих единицы, мы не готовы были воевать.

— Для чего тебе это? - он был в недоумении, я могу его понять, но это не его дело, поэтому...

— Я прошу тебя сказать, что мы нашли ее у дороги, дальше не твоя забота.

— Я скажу, но я не помощник тебе во всей этой затеи.

Она застонала, еле слышно, кровь текла из губ, выживет ли она, по крайней мере я попробую спасти ее.

Все изменилось, ноша, тяжелым грузом взвалилась на плечи и тянула упасть. Сколько прошло времени с тех пор, как они остались зачищать местность? Достаточно, чтоб заподозрить, что-то неладное и вызвать подозрение. Рамир уже знал, что стоит сказать, но далеко заглядывать не стал, не стал обдумывать, что будет когда она очнется, не стал думать, что делать дальше.

Уже стемнело, но Луна освещала лес нежным светом, от чего все вокруг казалось сказочным и страшным. Навий – так звался лес на юго – западе Дара. Старые пихты возвышались на 50-60 метров ввысь, ели и дубы, стоявшие еще со времен, когда слово Навь имело значение, будто рассказывали о том, что им довелось увидеть за время своего существования.

Ходили слухи, местные байки не более – Навий лес забирает всех, кто войдет в него больше положенного, заберет в жертву старым богам. Чушь!

Лагерь корпуса войск Долины расположился в Новых Бродах, в пяти километрах от Навьего леса. Когда подразделения зашли в поселение, там уже никого не было, пустые дома, пустые не первый месяц. Предполагалось, что в лесу расположились конфедераты и готовятся к контрнаступлению. Мало кто понимал, открытый бой в зачищенной местности

им не к чему. Они выманивают противника, глупо предубеждённого в своей победе и в непредвиденный момент сожгут все дотла. Тут скоро будут виверны - змееподобные крылатые чудовища, извергающие пламя.

Глава 2

*«Вчера,
беспилотной атаке были подвержены четыре
населенных пункта Красной республики и
столица Дара, три человека погибло, девятерым
пострадавшим оказывают
необходимую помощь».*
*Официальные новости Объединенных Республик
(ОНОР)*

ВЕЛИ

День был солнечный. Еще вчера лед и слякоть трещали под ногами, но сегодня солнце будто благословило нас. Порой в тяжелые времена пытаешься искать радость там, где о ней не говорят.

Шестой день наш лагерь расположен у Навьего леса. За ним поселения, в которых еще остались люди, и город сожжённый дотла, примерно в ста километрах от нас.

Вчера у нас были переговоры с представителями Конфедерации – идея сразу была неудачной. Мы отправили троих, и еще один сидел на дереве с прицелом. Меня там не было: пошли Рамир, Горан и Седа. Говорили, что конфедераты предлагали сдаться – за кров и пищу, за сохранение жизней тем, кто остался в поселениях. Иначе все будет сожжено.

Один из товарищей дал знак стрелять – это означало, что они отказались и хотели уничтожить переговорщиков. Но что-то пошло не так: цель заслонил один из группы и выстрел пришёлся мимо. Конфедераты заметили это. Один из переговорщиков достал сигнальную ракету и выпустил в небо – это был знак опасности. Конфедераты бежали в лес, но нам удалось всех убить. Виверны не прилетели, но каждый из нас с ужасом и страхом знает, что они могут появиться в любую секунду.

Мы решили остаться тут еще на несколько дней: много раненых, еще были тут, мы не смогли их транспортировать. Чувство будто мы остались покинутые всеми не покидало нас. Нам обещали подкрепление, но будет ли оно?

Кто я? И как оказался тут? Вопрос противоречивый и не каждый из нас сможет на него ответить. Я рожден на землях Дара, в небольшом поселение, в котором уже не был больше десяти лет, я люблю свою Родину – те, кто меня знают, поверят мне: я хотел процветания земли, на которой родился. Но кем я стал? И по какой причине задаюсь этим вопросом?

Моя земля испытывала меня дважды: тогда десять лет назад, когда Дар восстал против нового режима и два года назад, когда Конфедерация вступила на землю Долины. Повсюду говорят, что мы защищаем Дар – свои территории – от агрессии конфедератов и я сам верил в это. Сколько лет мне понадобилось, чтоб я пришел к осознанию, что это Дар защищается от нас? Два года или десять лет?

Вы думаете, мы глупцы, не ведающие, кто есть свет, а кто тьма? Возможно, со стороны так и кажется. Свет слепил, а тьма утешала, а мы просто хотели жить. Война была чем — то далеким и страшным, и только в кино мы видели, как люди истекая кровью умирают на поле боя. Но теперь мы — герои этого кино.

— Мне надо тебе, кое-что сказать, — рядом сел мой товарищ.

Пока было время я отошел от лагеря и решил отдохнуть в одиночестве. Скоро переключка и мое отделение заступает на дежурство на северной стороне.

— Вчера Рамир притащил в лагерь раненую женщину.

— И? — я не удивился. Такое часто бывает, когда мы находимся рядом с поселениями люди пытаются бежать и не у всех это удаётся.

— Эта женщина — одна из той группы, с которыми мы встречались вчера.

— Донесли, что все погибли...

— Нет. Рамир остался и искал ее. После я нашел ее раненой, но живой.

— Искал? Зачем?

— Не знаю, я думаю, он ее знает.

— Кому, еще ты рассказывал?

Горан наш товарищ, тот с кем мы идем в бой, тот с кем мы делим кров и пищу, но доверять ему я бы не стал.

— Ты что... Только тебе. Поговори с ним, скажи, что не

стоит ввязываться в эти игры. Ты же его друг – тебя он слушает.

— Где сейчас эта женщина?

— В домике на окраине, где разложили временный госпиталь. Мест и так нет, поэтому пришлось положить ее в коридоре, на полу.

Мы направились вместе в госпиталь, я решил, что надо узнать, что за женщину принес Рамир в лагерь. Я знаю его около двадцати лет – мы учились в одной школе и всегда были друзьями.

Вокруг дома, где располагался госпиталь стоял забор, прочная металлическая конструкция, вся в отверстиях от осколочных снарядов. Во дворе засохший сорняк стоял по пояс – видно хозяев здесь нет уже больше года. Стекол в окнах не было и их заделали простынями и матрасами – тем, что нашли в доме. Уже стоял март, но ночью порой доходило до мороза, а холодные ветра бросали в дрожь и днем тоже.

На крыльце сидела наша медсестра Ива – стройная молодая девушка с яркими голубыми глазами. Трудно было поверить, как у нее это получается, но не смотря на обстоятельства она выглядела прекрасно, той ухоженной красотой, поддержание которой довольно затруднительно в условиях наших обстоятельств. Ива – волонтер, такие как она часто приезжают к нам на передовую помогать. Привозят продовольствия и все необходимое в чем мы здесь можем нуждаться. Бывают тут несколько недель и уезжают снова, некоторые

возвращаться, некоторых мы больше не видим. Ива тут во второй раз она была здесь около месяца и скоро уедет, вместе с санитарной помощью.

— Как ты? Тяжелый день?

— Не тяжелее, чем обычно. Раненых слишком много, всех забрать не получится, - она имела ввиду волонтеров, которые уезжая забирали раненых.

— Заберете тяжелых, те кто сможет идти останутся. Как обычно.

— Неужели, вот это теперь «обычно» для нас? — Ива обвела рукой полукруг перед собой.

Наверное, трудно понимать, что даже такие обстоятельства становятся просто рутиной - такой же если бы ты просто вставал и шел на работу к восьми утра.

Горан улыбался Иве и пытался обратить на себя внимание.

Я прошел внутрь здания, сказав, что провожаю знакомых.

Затхлый запах вперемешку с запахом спирта ударил в нос и даже защипало глаза. Сколько из них доживет до завтра? Несчастных, которые проводят свои последние дни тут. В коридоре никого не было и я зашел в большой зал, где на полу в притык друг к другу лежало человек пятнадцать: кто-то лежал в беспамятстве, кто-то мучался от боли. Поочередно бросая взгляд на каждого, я искал женщину. Она лежала у самого входа. Я развернулся, ее ноги были напротив меня, и я смотрел прямо в лицо.

Не знаю сколько я простоял так, пока меня не окликнули.
— Что скажешь? — Горан подошел и стал рядом.

Были ли у меня секреты, о которых не кому не стоит знать? О да. Были ли мне важны последствия, с которыми я мог столкнуться? Нет. Когда ты находишься там, где твоя жизнь — это расходный материал, мало что имеет значение. Но, если теперь следствие — это жизнь другого человека? Которого ты когда — то знал...

— Не лезь не в свое дело. Храни эту тайну так же, как и мы храним твою.

Вели провел с ней некоторое время, дотронулся до лица, пытаясь внимательней разглядеть не ошибся ли он. Нет, за грязью и бледностью кожи была она. В той далекой жизни, оставшейся позади, он знал ее. Роса...

Чувство неопределенности и тревоги заполнило нутро. Что же ты наделал Рамир? Как теперь быть? Но мог ли Вели осуждать его и как бы он сам поступил, был бы он там вчера, на его месте?

Она была с конфедератами, иначе и быть не могло. Кто мог подумать однажды, что та девочка Роса станет противником и они окажутся по разные стороны этой войны.

— Что с ней? — спросил Вели Иву, — присев с ней рядом.

— Не знаю, возможно сотрясение, возможно, что-то похуже. Она просыпается иногда на несколько минут и только пьет, тяжело дышит.

— Есть чем лечит?

— Тебе то, что? Там еще 13 твоих сослуживцев почти умирают, — с издевкой Ива легко толкнула его в грудь.

— Женщинам надо больше внимания, разве нет? — улыбался Вели.

— Не видела от тебя такой заботы.

— Смотри внимательней, — он больше не стал спрашивать за Росу, все же не стоит вызывать подозрения.

Глава 3

*«Обстрелу были подвержены
энергообеспечивающие объекты
Дара, соответствующие специалисты
занимаются устранением проблемы».
Объединенных Республик (ОНОР)*

ВСАДНИК

Старые ожоги ныли сегодня как никогда раньше. Каждый месяц фельдшер выдаёт лечебные мази — из трав и соков урожая плодородных земель Красной Республики на юге КОНа.

По-своему ещё небольшому жизненному опыту скажу: какими бы исцеляющими ни были лекарства, ни одно ещё не затянуло наши раны. Ожоги ныли каждую секунду, каждый миг нашего существования — боль, придававшая нам ещё большую ярость в сражениях. А мази лишь на короткое время заглушали ту боль, которую нам придётся чувствовать всю жизнь.

Я дотронулся до лица: по лбу, вдоль переносицы, переходя на левую щеку, через глаз бугрился старый ожог. Зрение удалось спасти. Веко наполовину нависало, но я видел, как и раньше. Я помню тот вылет, в котором получил этот ожог.

Я помню каждый вылет — ни один из них не прошёл бесследно.

Я — всадник, главный укротитель стаи K57. Каждое подразделение носит номер подгруппы особей, на которых летает. K57 — свирепые желтобрюхие чудовища воспламеняющей породы, высота которых достигает пятнадцати метров. Виверны — демоны, о возрождении которых человечество ещё пожалеет.

Если вы представляете больших драконов из книг, с которыми у главного героя ментальная связь и которые свирепо защищают своего всадника, то вы ошибаетесь. Виверна — чудовище, не испытывающее ни жалости, ни сострадания, подчиняющееся только через боль и унижение, методом жестокой дрессировки. Всадник — почти смертник, рискующий ради короткого полёта, зависимый от чувства власти над подчинившейся тварью.

Они не просто животные — это страшное тяжёлое оружие, которое почти невозможно повредить или уничтожить. Их возродили не так давно. Да, именно возродили — методом экспериментов и генетических мутаций, ценой огромных убытков и многочисленных смертей. Когда-то это были лишь древние существа, о которых ходили легенды, населявшие Землю в доисторические времена. Но теперь они здесь.

Главная ценность виверн для Конфедерации — их огнедышащая способность. Не все особи способны извергать пламя. Те, кто лишён этой способности, — брак, не имею-

щий ценности ни в бою, ни в размножении. Если особь не владеет способностью, значит, и потомство будет таким же бесполезным.

Укротители — элитные войска, служащие, отобранные скорее волей случая, чем по желанию. Хотел ли я быть всадником? А кто не хотел? Подчинить себе чудовище и парить в небе — так мы представляли участь всадника.

Попробовать дают всем, не обучая и не тренируя: сначала просто показывают всё со стороны. Уже на этапе наблюдения отсеивается больше половины. Первое, что я увидел, — как их кормят.

Виверна сидела на цепи. Две задние лапы всегда прикованы, когда они на земле. На крыльях, вдоль линии сгиба, у них есть небольшие лапы, с помощью которых они терзают свою добычу. Само собой, виверны — хищники, добывающие пропитание охотой, но из-за того, что чудовища не поддаются постоянному контролю, выпускать их невозможно. Кормят их обычно скотиной, и, чтобы они не потеряли интерес к добыче, её подают живой.

Я помню, как чудовище схватило лапой корову, раздавило её и, высунув длинный ядовитый язык, слизывало кровь. Виверны не проглатывают мясо — они высасывают все соки из своей добычи.

Что я почувствовал в тот момент? Страх и ужас на какое-то мгновение посетили меня, но вместе с этим я представил, как восхитительно было бы укротить эту тварь.

К сожалению, статистика показала, что среди укротителей высокий процент людей с психиатрическими диагнозами. Скорее всего, такой есть и у меня. Возможно, и хорошо, что ремесло нашлось и для таких, как я. Скорее во благо, чем во вред. Во благо Конфедерации — так точно.

Прозвучал первый звонок — время готовиться к вылету.

Моё обмундирование — облегающий эластичный костюм из углеродной ткани, шлем с забралом из кварцевого стекла, так же ткань костюма состоит из черных золотых нитей, так жар отражается, настолько, насколько это возможно. Правду сказать, костюм защищал не на все сто процентов. Жар порой всё равно обжигал, а если столкнуться с прямым пламенем, то даже в этом обмундировании не спастись.

Второй звонок — все подразделения укротителей выходят на плац. Сегодня вылетает только стая К57.

Одна стая включает в себя десять всадников, двадцать рекрутов и пятьдесят дрессировщиков. В боевое сражение вылетают только всадники. Рекруты — новички-помощники — участвуют лишь в тренировочных вылетах. Дрессировщики ухаживают за тварями, кормят их, готовят к вылету, подчиняют настолько, насколько это возможно.

— Пепел врагам! — крикнул командующий. — Во славу Конфедерации Объединённых Народов!

— Уа! Уа! Уа! — кричали укротители.

Так, под возгласы соратников, всадники шли в бой.

Третий звонок — укротители стаи К57 двинулись в ангар,

где находились твари.

Моя виверна — К57-2, свирепая огнедышащая самка. Её размер превышал пятнадцать метров. Жёлтая чешуя переливалась, когда лучи солнца касались её. В раскосых глазах виднелись красные зрачки.

Что она чувствует, когда видит своего всадника? Не знаю. Нет ни одного доказательства того, что виверны испытывают какие-либо эмоции, связанные с привязанностью. Иногда мне казалось, что она задерживает взгляд на мне, но чаще — извергала пламя, едва увидев меня.

Сейчас дрессировщики бьют её током длинными палицами, чтобы держаться на расстоянии. Вреда это ей не приносит — только боль. Другого способа призвать виверн к дисциплине ещё не придумали.

Я поднимаюсь на трап и хватаюсь за ремни, проходящие через всё туловище. Виверна никогда не пригласит оседлать её. Я запрыгиваю на хвост и, хватаясь за ремни, тянусь к голове. Креплю себя к седлу рядом с шеей, чтобы легко было достать до ошейника. Ошейник бьёт её током с разных сторон — только так я могу управлять ею.

С виверны сняли кандалы, и я направил импульс вдоль туловища. С громким рёвом раненого животного она взлетела в небо, извергая пламя.

За мной летело ещё девять всадников. Ещё девять чудовищ, несущих смерть.

На весь город стоял ужасающий гул, сирены предупреждали о том, что стоит прятаться, люди бежали, стараясь успеть домой, но тщетно, сквозь гул сирен, можно было слышать свист, невыносимый свист, который приближался и усиливался. От страха люди забегали в здания и прижимались к ним. Это было оружие Конфедерации, чудовища летели на фронт, самое мощное оружие человечества - вивьерны.

Они летели очень быстро, издавая звук приближающейся опасности, звук свистящего ветра. Мало кто видел виверн, их появление не в порядке вещей, популяция виверн, содержание и размножение контролируется государством, их нельзя купить или найти, это чудовища, которых нельзя контролировать, их появление несет опасность даже для тех, в интересах кого они были созданы.

С гулом свистящего ветра, в полумраке ночи, стая виверн надвигались в сторону гор Карата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.